

Вера ИНБЕР

ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»
№ 31
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА — 1946

Вера ИНБЕР

ПУЛКОВСКИЙ МЕРИДИАН

ПОЭМА

Издательство „Правда“

Москва, 1946

ВЕРА ИНБЕР

Вера Михайловна Инбер родилась в 1890 году в Одессе. Окончила там гимназию и начала писать стихи. С 1910 по 1914 год много путешествовала по Европе. Жила во Франции.

Первый сборник стихов Веры Инбер вышел в 1912 году. В этот период творчества тематика её стихов была ограничена узкими переживаниями.

Перестройка в творчестве В. Инбер после революции произошла не сразу. Первое стихотворение, свидетельствующее о переломе в мироощущении поэтессы, появилось только в 1922 году.

В этом году Вера Инбер окончательно переселяется в Москву. Здесь, кроме стихов, она пишет и прозу, в частности автобиографическую повесть «Место под солнцем», напечатанную в 1928 году.

Очерки В. Инбер о Европе после первой мировой войны, опубликованные в центральных газетах, впоследствии были объединены в сборник под названием «Америка в Париже».

Во время Великой Отечественной войны писательница была в Ленинграде, где не переставала работать.

Поэма «Пулковский меридиан», написанная в дни блокады Ленинграда, удостоена Сталинской премии.

Глава первая

МЫ — ГУМАНИСТЫ

1

В пролёт меж двух больничных корпусов,
В листву, в деревья золотого тона,
В осенний лепет птичьих голосов
Упала утром бомба, весом в тонну.
Упала, не взорвавшись: был металл
Добрей того, кто смерть сюда метал.

2

Здесь госпиталь. Больница. Лазарет.
Здесь красный крест и белые халаты,
Здесь воздух состраданием согрет,
Здесь бранный меч на гипсовые латы,
Укрывшие простреленную грудь,
Не смеет, не дерзает посягнуть.

3

Но немец выжег кровью и железом
Все эти нормы. Тишину палат
Он превращает в судорожный ад.
И выздоравливающий с протезом,
Храбрец, блестяще выигравший бой,
Бледнеет, видя смерть перед собой.

4

А вестибюль приёмного покоя...
Там столько жертв! Их привезли сейчас.
Все эти лица, голоса... какое
Перо опишет? Девушка без глаз

(Они полны осколками стекла)
Рыдает, что она не умерла.

5

Фашист! Что для него наш мирный кров,
Где жизнь текла, исполненная смысла?
Где столько пролетало вечеров
За письменным столом. Теперь повисла
Над пустотой развалина стены,
Где полки книг ещё сохранены.

6

Что для него, для немца, русский дол,
Голландский сад, норвежская деревня?
Что для него плодовые деревья,
Речная пристань, океанский мол?
Всё это—только авиамишени,
Всё это—лишь объекты разрушений.

7

Умение летать!.. Бесценный дар,
Взлелеянная гениальным мозгом
Мечта. Впервые на крылах из воска
Взлетает к солнцу юноша Икар
Затем ли, чтоб на крыльях «мессершмиттов»
Витала смерть над современным Критом?

8

Затем ли итальянец Леонардо
Проникнуть тщился в механизм крыла.
Чтоб в наши дни, в Берлине, после старта
Фашистская машина курс взяла
На университетские аллеи
Времён ещё Декарта и Линнея?

9

В Америке затем ли братья Райт
В двадцатом веке покорили воздух,
Чтоб в тучах дыма задыхались звёзды?
Чтоб сектор неба, горизонта край
Тонул в огне? Чтоб зарево вставало
От Невки до Финляндского вокзала?

10

Как грозен неба вид! Как необычен!
 Как глухо полыхают жерла туч
 В часы ночных боёв, когда зенитчик
 Прожектористу говорит: «Дай луч!»
 И бледный луч на поиски врага
 Вздывается, как грозная рука.

11

Нашла его. Нашарила за тучей.
 К земле его! Чтоб оземь головой,
 Чтоб подняли его моторы вой,
 Чтобы сгорел он в собственном горючем.
 Чтобы зловещий этот нетопырь,
 Ломая крылья, пал бы на пустырь.

12

Не вырвется из наших рук, шалишь!..
 Он мечется. Движения всё резче.
 Он падает. И видя это с крыш,
 Пожарные дружины рукоплещут.
 И слыша это снизу, со двора,
 Дежурные во тьме кричат «ура»...

13

Есть чувства в человеческой душе,
 Которыми она гордиться вправе.
 Но не теперь. Теперь они уже
 Для нас как лишний груз при переправе.
 Влюблённость. Нежность. Страстная любовь...
 Когда-нибудь мы к вам вернемся вновь.

14

У нас теперь одно лишь чувство—Мечь.
 Но мы иначе понимаем это;
 Мы отошли от Ветхого завета,
 Где смерть за смерть. Нам даже трудно счесть...
 С лица земли их будет сотни стёртых
 Врагов—за каждого из наших мёртвых

15

Мы отомстим за всё: за город наш,
 Великое творение Петрово,
 За жителей, оставшихся без крова,
 За мёртвый, как гробница, Эрмитаж,
 За виселицы в парке над водой,
 Где стал поэтом Пушкин молодой.

16

За гибель петергофского «Самсона»,
 За бомбы в Ботаническом саду,
 Где тропики дышали полусонно
 (Теперь они дрожат на холоду).
 За всё, что накопил разумный труд,
 Что немцы превратили в груды груд.

17

Мы отомстим за юных и за старых:
 За стариков, согнувшихся дугой,
 За детский гробик, махонький такой,
 Не более скрипичного футляра.
 Под выстрелами, в снеговую муть,
 На саночках он совершал свой путь.

18

Мы — гуманисты, да! Нам дорог свет
 Высокой мысли (нами он воспет).
 Для нас сиянье светлого поступка
 Подобно блеску перстня или кубка,
 Что переходит к сыну от отца
 Из века в век, всё дале, без конца.

19

Но гуманизм не в том, чтобы глядеть
 С невыразимо скорбной укоризной,
 Как враг глумится над твоей отчизной,
 Как лапа мародёра лезет в клеть
 И с прибежавшего на крик домой—
 Срывает шапку вместе с головой.

20

Как женщину, чтоб ей уже не встать,
Ефрейтор-немец сапогами топчет,
И как за окровавленную мать
Цепляется четырёхлетний хлопчик,
И как, нарочно по нему пройдя,
Танк давит гусеницами дитя.

21

Сам Лев Толстой, когда бы смерть дала
Ему взглянуть на Ясную Поляну,
Своей рубахи, белой, как зима,
Чтоб не забрызгать кровью окаянной,
Фашиста, осквернителя могил,
Он старческой рукой бы задушил.

22

От русских сёл до чешского вокзала,
От крымских гор до Ливии пустынь,
Чтобы паучья лапа не всползала
На мрамор человеческих святынь,
Избавить мир, планету от чумы—
Вот гуманизм! И гуманисты—мы.

23

А если ты, Германия, страна
Философов, обитель музыкантов,
Своих титанов, гениев, талантов
Предавши поруганью имена,
Продлишь кровавый гитлеровский бред,—
Тогда тебе уже прощенья нет.

24

Запомнится тебе ростовский лёд.
Не позабудешь клинскую метель ты,
И синие морозы невской дельты,
И в грозном небе Пулковских высот,
Как ветром раздуваемое пламя,
Победоносно режущее знамя.

Глава вторая

СВЕТ И ТЕПЛО

1

В ушах всё время словно щебет птичий,
Как будто ропот льющейся воды:
От слабости. Ведь голод. Нет еды.
Который час? Не знаю. Жалко спички,
Чтобы взглянуть. Я с вечера легла,
И длится ночь без света и тепла.

2

На мне перчатки, валенки, две шубы
(Одна в ногах). На голове платок;
Я из него устроила щиток,
Укрыла подбородок, нос и губы.
Зарылась в одеяло, как в сугроб.
Тепло, отлично. Только стынет лоб.

3

Лежу и думаю. О чём? О хлебе.
О корочке, обсыпанной мукой.
Вся комната полна им. Даже мебель
Он вытеснил. Он близкий и такой
Далёкий, точно край обетованный.
И самый лучший—это пеклеванный.

4

Он с детством сопрягается моим,
Он круглый, как земное полушарье.
Он тёплый. В нём благоухает тмин.
Он рядом. Здесь. И, кажется, пошарь я
Рукой, перчатку лишьними,—
И ешь сама. И мужа накорми.

5

А там, по Северной, сюда идут,
Идут составы—каждый бесконечен.
Не счесть вагонов. Ни один диспетчер
Не посягает на его маршрут.

Он знает: это посланный страной,
Особо важный. Внеочередной.

6

Там тонны мяса, центнеры муки,
И всё это в три яруса грядюю
Лежит в полкилометра высотой.
Но всё это не доезжая Мги.
Там овощи. Там витамины «Це»...
Но к нам им не добраться. Мы в кольце.

7

И даже будто в Мурманске стоят
Для нас американские продукты:
Консервы, сахар, масло. Даже фрукты.
Бананы... Ящики за рядом ряд.
И за долготерпенье нам в награду—
На каждом надпись: «Только Ленинграду».

8

Но мы—в кольце. А тут ещё мороз
Свирепствует, невиданный дотолё.
Торпедный катер стынет на приколе,
Автобус в ледяную корку врос;
За наименьшем тока нет трамваев.
Всё тихо. Город стал неузнаваем.

9

И пешеход, идя по мостовой
От Карповки до улицы Марата,
В молчанье тяжкий путь свершает свой.
И только редкий газогенератор,
На краткую минуту лишь одну.
Дожнув теплом, нарушит тишину.

10

Как бы сквозь сон, как в деревянном веке,
Невнятно где-то тюкает топор.
Фанерные щиты, сарай, забор,
Полусгоревшие дома-калеки.

Остатки перекрытий и столбов—
Всё рубят для печурок и гробов.

11

Две женщины (недоля их свела)
В платках до глаз, соприкасаясь лбами,
Пенёк какой-то пилят. Но пила
С искривленными, слабыми зубами,
Как будто бы и у неё цынга,
Не в состояньи одолеть пенька.

12

Ни лая, ни мяуканья, ни писка
Пичужьего. Небось, пичуги там,
Где, весело летая по пятам
За лошадью, как из горячей миски.
Они хватают зёрнышки овса...
Там раздаются птичьи голоса.

13

Нет радио. И в шесть часов утра
Мы с жадностью «Последние известья»
Уже не ловим. Наши рупора—
Они ещё стоят на прежнем месте, —
Но голос... голос им уже не дан:
От раковин отхлынул океан.

14

Вода!.. Бывало, встанешь утром рано,
И кран, с его металла белизной,
Забулькает, как соловей весной,
И долго будет течь вода из крана.
А нынче, ледяным перстом заткнув,
Мороз оледенил блестящий клюв.

15

А нынче пьют из Невки, из Невы
(Метровый лёд коли хоть ледоколом).
Стоят, обмёрзшие до синевы,

Обмениваясь шуткой невесёлой,
Что уж на что, мол, невяская вода,
А и за нею очередь. Беда!..

16

А тут ещё какой-то испоганил
Всю прорубь керосиновым ведром.
И все, стуча от холода зубами,
Владельца поминают недобром:
Чтоб дом его сгорел, чтоб он ослеп,
Чтоб потерял он карточки на хлеб.

17

Лишилась тока сеть водоснабженья,
Её подземное хозяйство труб.
Без тока, без энергии движенья
Вода замёрзла, превратилась в труп.
Насосы, фильтры — их живая связь
Нарушилась. И вот — оборвалась.

18

(В системе фильтров есть такое сито —
Прозрачная стальная кисея,
Мельчайшее из всех. Вот так и я
Стараюсь удержать песчинки быта,
Чтобы в текучей памяти людской
Они б осели, как песок морской.)

19

Зима роскошествует. Нет конца
Её великолепиям и щедротам
Паркетам зеркального торца
Сковала землю. В голубые гроты
Преобразила чёрные дворы.
Алмазы. Блеск... Недобрые дары!

20

И правда, в этом городе, в котором
Больных и мёртвых множатся ряды,
К чему эти кристальные просторы,
Хрусталь садов и серебро воды.

Закреть бы их!.. Закреть, как зеркала,
В дому, куда недавно смерть вошла.

21

Но чем закрыть? Без тёплых испарений
Воздушный свод неизъяснимо чист.
Нетягущий на ветках снег сиренев,
Как дымчатый уральский аметист.
Закат сухумской розой розовеет...
Но лютой нежностью всё это веет.

22

А в час, когда рассветная звезда
Над улиц перспективной несравненной
Сияет в бездне утренней,— тогда
Такою стужей тянет из вселенной,
Как будто бы сам космос, не дыша,
Глядит, как холодеет в нас душа.

23

Недаром же на днях, заняв черёд
С рассвета, чтоб крупы достать к обеду,
Один парнишка брякнул вдруг соседу:
«Ну, дед, кто эту ночь переживёт,
Тот будет жить». И старый дед ему:
«А я её, сынок, переживу».

24

Переживёт ли? Ох! День ото дня
Из наших клеток исчезает кальций.
Слабеем. (Взять хотя бы и меня:
Ничтожная царапина на пальце.
И месяца уже, пожалуй, три
Не заживает, прах её бери!)

25

Как тягостно и, главное, как скоро
Теперь стареют лица! Их черты
Доведены до птичьей остроты
Как бы рукой зловещего гримёра:

Подбавил пепла, подмешал свинца—
И человек похож на мертвеца.

26

Открылись зубы, обтянулся рот,
Лицо из воска. Трупная бородка.
(Такую даже бритва не берёт.)
Почти без центра тяжести походка,
Почти без пульса серая рука.
Начало гибели. Распад белка.

27

У женщин начинается отёк,
Они всё зябнут (это но от стужи).
Крест-накрест на груди у них всё туже,
Когда-то белый, вязаный платок.
Не веришь: неужели эта грудь
Могла дитя вскормить когда-нибудь?

28

Апатия истаявшей свечи...
Все перечни и признаки сухие
Того, что, по-учёному, врачи
Зовут «алиментарной дистрофией»,
И что не латинист и но филолог
Определяет русским словом «голод».

29

А там, за этим, следует конец.
И в старом одеяло цвета пыли,
Английскими булавками зашпилен,
Бечёвкой перевязанный мертвец
Так на салазках ладно снаряжён,
Что, видимо, в семье не первый он.

30

Но встречный—в одеяльце голубом,
Мальчишечка грудной, само здоровье,
Хотя не женским, даже не коровьим,
А соевым он вскормлен молоком.

В движении не просто встреча это:
Здесь жизни передана эстафета.

31

И тут в моё ночное бытиё
Вплетается со мною разлучённый
Иной ребячий облик—мой внучонок.
Он в валеночках, золотце моё...
Он тёпел. Осязаем. Он весом.
Увы! Я сплю. И это только сон.

Глава третья

ОГОНЬ

1

Мороз, мороз!.. Великий русский холод,
Испытанный уже союзник наш,
Врагов он жалит, как железный овод,
Он косит их, прессует, как фураж,
И по телам заснувших мёртвым сном
Он катит дальше в танке ледяном.

2

Как из былины, в кожаном шеломе
Глядит из башни (ну и здоровá!)
Румяная седая голова.
А дальше в этой танковой колонне
Идут бураны, снежные вьюны,
Заносы... Не видать ещё весны.

3

Треск по лесу! Алмазная броня
То изумрудом вспыхнет, то рубином.
А чуть стемнеет, на излёте дня,
Вооружась серебряной дубиной,
Уходит партизанить наш старик,
Как в дни Наполеона он привык.

4

И тут уж всё немецкое бежит,
 Чтоб от него укрыться как-то, где-то.
 И бледная немецкая ракета
 Беззвучно заикается, дрожит.
 Всё снег да снег, без края и конца
 Вокруг Оломны и Гороховца.

5

Ни шороха, ни звука, ни движенья.
 Не покидает свой высокий пост
 Луна, чьё кольцевое окруженье
 Истаивает под напором звёзд.
 И вдруг раскат. И ожил горизонт...
 Товарищи, здесь Ленинградский фронт!

6

Вчерашний день мы провели в лесу,
 На наших дальнобойных батареях.
 И я его забуду не скорее,
 Чем собственное имя. Пронесу
 Его в глубинах сердца. Никогда
 Туда не проникают холода.

7

С первоначальной силой излученья
 Там в вечном сохраняются тепле
 Сокровища: луч солнечный в Кремле,
 На ордене в минуту получения,
 Звук голоса, который из Москвы
 Мы слушали на берегах Невы.

8

В безмолвии мы слушали его.
 Сигнал тревоги в середине фразы
 Из тишины не вывел никого.
 Над городом шёл бой. Потом на базы
 (Мы поняли) вернулись ястребки,
 Но наши мысли были далеки.

Речь продолжалась. И такая в ней
 Уверенность была, такая сила,
 Что эта ночь, которая гасила
 Тревогами созвездия огней,
 От сталинского голоса редела.
 «Мы победим, — сказал он, — наше дело

10

Есть дело правое». Был напоён
 Овациями воздух. Будто стая
 Крылатых, красных, с золотом знамён
 Над нами бушевала, пролетая.
 Казалось нам, что где-то высоко
 Победный пурпур плещет о древко.

11

И мы, десятки, тысячи людей,
 В насторожённом мраке Ленинграда,
 Мы ощутили вдруг, что мы — громада.
 Мы — сила. Что сияние идей,
 К которым мы приобщены, бессмертно.
 Пусть ночь. Пускай ещё не видим черт мы

12

Лица Победы. Но её венка
 Лучи уже восходят перед нами.
 Нас осеняет ленинское знамя,
 Нас направляет Сталина рука.
 Мы — будущего светлая стезя,
 Мы — свет. И угасить его нельзя.

13

Прошло четыре месяца. И вот
 В День Красной Армии на фронте снова
 (Февраль — суровый месяц: снег и лёд)
 Мы услышали сталинское слово,
 Мы наблюдали выраженье глаз
 Людей, его читающих при нас.

14

Они приказ Наркома обороны
 Читали в полдень и когда закат
 Был золотого цвета, как патроны.
 Б землянке, где над головой накат,
 И у костра под елью вековой,
 Когда был Млечный путь над головой.

15

Оружием всех видов и родов
 Приказ был соответственно отмечен.
 Связист его читал у проводов,
 У карты — генштабист. И лишь разведчик,
 Кому и лишний вздох не разрешён,
 В тылу врага был этого лишён.

16

Один из них рассказывал: «В снегу
 И сам иной раз станешь, как ледяшка,
 Но согревает ненависть к врагу.
 Сидишь часами — и оно не тяжко.
 Мороз! А в голове горит одно —
 Задание, которое дано».

17

Он прав, разведчик. От глухой тропы.
 От точки огневой до бури шквальной,
 Когда столбы земли, подобно пальмам,
 Перерастают сосны и дубы, —
 Везде и всюду, явен или скрыт,
 Но этот наш огонь всегда горит.

18

Он партизанским полымем-пожаром
 Захватчиков сжигает на корню,
 Закован в современную броню,
 Старинным русским полыхает жаром.
 Он — меч союзников, он — бич врагов,
 Ему дивятся пять материков.

19

Навек смертельно им потрясены
 Те, кто его удары испытали.
 Блистательно сказал товарищ Сталин,
 Что артиллерия есть бог войны.
 Всесокрушающее божество!..
 Мы наблюдали в действии его.

20

Огонь! В честь нас, людей из Ленинграда,
 В честь пятерых, — пять молний, пять громов
 Рванули воздух (мы стояли рядом).
 По вражьи́м блиндажам пять катастроф.
 И в интервалах первым начал счёт
 Один из нас, сказав: «За наш завод!»

21

Второй проговорил: «За наш совхоз.
 Во всём районе не было такого!»
 «За сына», — тихо третий произнёс.
 Четвёртая, инструкторша горкома:
 «За дочку! Где ты, доченька моя?»
 «За внука моего!» — сказала я.

22

Я внука потеряла на войне...
 О, нет! Он не был ни боец, ни воин.
 Он был так мал, так в жизни не устроен,
 Он должен был начать ходить к весне.
 Его зимою, от меня вдали,
 На кладбище подмышкой понесли.

23

Его эвакуацией за Волгу
 Метнуло. Весь вагон, куда ни глянь,
 Всё дети. Ехать предстояло долго...
 Так в лес детёныша уводит лань,
 Всё думает спасти его, пока
 В её сосцах хоть капля молока.

24

Он был как тот берёзовый росток,
 Который ожил в теплоте землянки
 И вырос на стене, как на полянке,
 Но долго просуществовать не мог.
 Хирел, мечтал с солнцем, как о чуде,
 И вздрагивал от грохота орудий...

25

Смертельно ранящая, только тронь,
 Воспоминаний взрывчатая зона...
 Боюсь её, боюсь в ночи бессонной.
 И всё же, невзирая на огонь,
 Без жалости к себе, без снисхожденья
 Иду по этим минным загражденьям.

26

Затем, чтобы перо своё питала
 Я кровью сердца. Этот сорт чернил...
 Проходит год—они всё так же алы,
 Проходит жизнь—им цвет не изменил.
 Чтобы писать как можно ярче ими,
 Воспользуемся ранами своими.

27

Используем все огневые средства
 Для ненависти огненной к врагу.
 Боль старости, загубленное детство,
 Могилка на далёком берегу...
 Пусть даже наши горести и беды
 Являются источником победы.

28

Преследуем единственную цель мы,
 Все помыслы и чувства об одном:
 Разить врага прямым, косоприцельным,
 И лобовым, и фланговым огнём,
 Чтобы очаг отчаянья и зла—
 Проклятье гитлеризма — сжечь дотла.

Глава четвёртая

ГОД

1

Зелёным листьям наступил конец.
В предчувствии грядущего мороза
Уже поникла юная берёза,
Бледна, как необстрелянный боец.
Зато рябина с пурпуром в петлицах,
Не в первый раз мороза не боится.

2

А на Неве ни шороха, ни плеска,
И город ало-чёрно-золотой
В ней отражён с венецианским блеском,
С поистине голландской чистотой.
Но наяву насколько он живей
В исконной русской прелести своей!

3

Он всё такой же, как и до войны,
Он очень мало изменился внешне.
Но, вглядываясь, видишь: он не прежний,
Не все дома попрежнему стройны.
Они в закатный этот час осенний
Стоят, как люди после потрясений.

4

Один кровоточит кирпичной раной,
Тот известковой бледностью покрыт,
Там вылетели окна из орбит
(Одно из них трепещет, как мембрана).
А там неузнаваема, как маска,
Окисленная порохом окраска.

5

Осколок у подъезда изувечил
Кариатиды мраморную грудь.
Страдания легли на эти плечи

Тяжёлым грузом—их не разогнуть.
Но всё же, как поддержка и защита,
Попрежнему стоит кариатида...

6

На Ленинград, обхватом с трёх сторон,
Шёл Гитлер силой сорока дивизий.
Бомбил. Он артиллерию приблизил,
Но не поколебал ни на микрон,
Не приостановил ни на мгновенье
Он сердца ленинградского биенье.

7

И, видя это, разъярённый враг,
Предполагавший город взять с разбега,
Казалось бы, испытанных стратегов
Призвал на помощь он: Мороз и Мрак.
И те пришли, готовые к победам,
А третий, Голод, шёл за ними следом.

8

Он шептуном шнырял из дома в дом,
Ныл нытиком у продуктовой кассы.
А в это время рос ледовой трассы
За метром метр. Велась борьба со льдом.
С опасностью, со смертью пополам
Был доставляем хлеба каждый грамм.

9

И Ладога, как птица пеликан,
Самопожертвования эмблема,
Кормящая птенцов самозабвенно,
Великий город, город-великан,
Питала с материнскою любовью
И перья снега смешивала с кровью.

10

Не зря старушка в булочной одной
Поправила беседовавших с нею:
«Хлеб, милые, не чёрный. Он ржаной,
Он ладожский, он белого белее.

Святой он». И молитвенно старушка
Поцеловала чёрную горбушку.

11

Да, хлеб... Бывало, хоть не подходи,
Дотронуться—и то бывало жутко.
Начнёшь его—и съешь без промежутка
Весь целиком. А день-то впереди!..
И всё же днём ли, вечером, в ночи ли
Работали, учились и учили.

12

Студент... Огонь он только что раздул.
Старательно распиленный на чурки,
Бросает он в него последний стул.
А сам перед игрушечной печуркой
На корточках (пусть пламя припечёт)
Готовит он очередной зачёт.

13

Старик-профессор... В клетчатом платке
Поверх академической ермолки.
Насквозь промёрзший, с муфтой на шнурке,
С кастрюльками в клеёнчатой кошолке,
Ему бомбёжка путь пересечёт,
Но примет у студента он зачёт...

14

Тяжёлый пласт осенней темноты
Так угнетал порой невыносимо,
Что были двадцать граммов керосина
Желанней, чем в степи глоток воды.
О, только бы коптилка не погасла!..
Едва горит соляровое масло.

15

И всё же не погас он у меня,
Сосущий масло, марлевый канатик,
Мерцающее семечко огня.
Так светит иногда светляк-фанатик
И чувствует, что он, по мере сил
Листок событий всё же озарил.

16

Я знаю, что в грозовой этой чаще
 Другим удастся осветить крупной
 Весь этот год, вплоть до его корней.
 Но и светляк был точкою светящей,
 И он в бореньях тьмы не изнемог.
 Он бодрствовал. Он сделал всё, что мог.

17

И Муза, на сияние лампадки,
 Притянутая нитью лучевой,
 Являлась ночью под сирены вой,
 В исхлѣстанной ветрами плащ-палатке,
 С блистанием волос под капюшоном,
 С рукой, карандашом вооружѣнной.

18

Она шептала пишушим: «Дружок,
 Не бойся, я с тобой перезимую».
 Чтобы согреть симфонию Седьмую,
 Дыханьем раздувала очажок.
 И головешка с нежностью весѣлой,
 Как флейточка, высвистывала соло.

19

Любитель музыки! Пожалуй, в ней ты
 Увидел бы, в игре её тонов,
 И впрямь порханье светлых клапанов
 По угольному туловищу флейты.
 И то, как, вмиг её воспламеня,
 По ней перебегает трель огня.

20

С электролампой, в световом овале,
 Входила Муза в номерной завод
 Под сумрачный, оледенелый свод —
 Там Стойкостью её именовали...
 И цех, где было пусто, как в соборе
 Вновь оживал. Все снова были в сборе.

21

Все нити и лучи сходились к ней,
 От одиночных маленьких сияньиц
 До величавых заводских огней,
 Бросавших блики на снарядов глянec.
 И каждый отблеск радовал сердца
 И производственника и бойца.

22

Бывало, Муза днём, в мороз седой,
 Противовесом чёрной силе вражьей,
 Орудовкой в берете со звездой,
 Стояла у Канавки у Лебяжьей
 И мановеньем варежки пунцовой
 Порядок утверждала образцовый.

23

В апреле Муза скальвала лёд.
 Ей было трудно. Из-под зимней шапки
 Росинками блеснит, бывало, пот.
 Ей в руки бы подснежников охапки...
 Но даже в старом ватнике — она
 Была всё та же юная Весна,

24

Стремительна, прекрасна и строга.
 Крылатая!.. И рядом с Музой каждый
 И чувствовал и думал не однажды:
 «Чтобы вернее сокрушить врага,
 Я всё отдам и даже бытиё,
 О, Ленинград, сокровище моё!»

25

Всегда, везде, в обличии любом,
 К любому причисляема отряду.
 Она была любовью к Ленинграду
 И верою в победу над врагом,
 Надеждою... Всего не перечеть:
 Такой она была. Была и есть!

Глава пятая

СНОВА ЛЕТО

1

В одиннадцать часов ещё светло.
Ещё на западе, не улетаю,
Лежит заката алое крыло,
И даже полночь будет золотая.
Она уже в движение привела
Аэростатов лёгкие тела.

2

Луну, с её лебяжьим опереньем,
Зеркально опрокинула в Неву.
И соловей поёт в кистях сирени:
«Я счастлив, счастлив, я жив-жив-живу!»
В самозабвении, без тени страха,
Выводит трели маленькая птаха.

3

Вверху рычат германские моторы:
«Мы фюр-рера покор-рные р-рабы,
Мы превращаем гор-рода в гр-робы.
Мы — смерть. Тебя уже не будет скор-ро».
А соловей поёт своё: «Я тут, я тут,
Я жив, меня отсюда не сметут...»

4

Какой сегодня жаркий, жаркий день!
С какою быстротой созрело лето!
Ещё немного — и ночная темь
Начнёт от круглосуточного света
Неумолимо отрезать в пути
Сначала ломтики, потом ломти

5

С восьми утра до часу или двух
Под деревом работаю, пишу там.
Подобием мельчайших парашютов

В саду летает тополиный пух.
Мгновение — и воздух рассекло
Пикирующей ласточки крыло.

6

Её сынок, а может быть, и дочка,
Топорща крылышки, глядит на мать.
Птенцу и страх как хочется летать —
И страшно оторваться от кусточка.
Он смотрит на верхушки тополей,
А мать ему: «Смелей, дитя, смелей!»

7

Под деревом ещё один птенец,
Ручонкою держась за край коляски,
Колеблется... Решился наконец.
Он делает шажок, не без опаски,
От мамы ни на шаг не отходя,
А та ему: «Смелей, смелей, дитя!»

8

Как много птиц и маленьких детей
Опять щебечет в гнёздах Ленинграда!
О детский мир, цветы и не скудей
В пределах комнат и в аллеях сада,
И после двух блокадных наших зим
Чаруй нас возрождением своим!..

Глава шестая

ВОССТАНОВЛЕНИЕ

Посвящается И. Д. С.

1

На стенах надпись: «Эта сторона
Опаснее, чем та, в часы обстрела».
Хотя и там вот только что гремело
И там опасность не устранена.

И едкая пороховая мгла
Всю улицу на миг заволокла.

2

Но тут же, по опасной стороне,
Уже спуют строители, прорабы,
Торопятся архитектора: «Пора бы
Начать ремонт хотя бы и вчерне».
Чертят квадраты, конусы и кубы,
Раздобывают доски, гвозди, трубы.

3

Всё здание в изъязнах и порезах,
Во вмятинах и выбоинах. Но
Ему подбавить извести, железа —
И снова станет на ноги оно.
И обновлённо, молодо и крепко
Опять задышит лестничная клетка.

4

За штукатурками придёт печник;
А там стекольщик со своим алмазом,
Окошко сантиметром уточнит,
Ещё разок проверит просто глазом —
И вспыхнет ослепительный по силе
Кусок небес взамен фанеры синей.

5

Лежат повсюду брёвен штабеля
И ждут, чтоб превратили их в поленья.
И в наших цельсиях, по их деленьям,
Стремясь уйти всё дальше от нуля,
Карабкается ртутный стебелёк
По градусам — он раньше так не мог.

6

И вот уж перед всем честным народом
На брёвнах голосистая пила
Опять свои частушки завела.
А дедушка-топор, седобородый,
Степенно, положительно и мерно
Поддакивает: «Верно. Верно. Верно».

7

Как песня, всё привольней и плавней
Тепло распространяется по трубам.
Горит берёза... Сколько жара в ней!
Как будто комсомольцы-лесорубы,
Своей энергией её согрев,
Повысили в сто раз её нагрев.

8

И кран, где всё, казалось, испытó,
Где не было уже ни капли жизни, —
Оттуда вдруг мелодия как брызнет,
Всё выше, выше. И на верхнем «до»
(Как эта нота радостно-свежа!)
До... пятого доходит этажа.

9

Взамен коптилок, плашек и лучинок
Над письменным столом и над плитой
Опять цветёт огнём своих тычинок
Электролампы венчик золотой.
Да здравствует дающая нам ток
Энергия, взрастившая цветок,

10

Бегущая по проводу, по стеблю!..
Растенья в Ботаническом саду
Чернели, точно в дантовом аду.
Теперь опять, дыханием колеблем,
Уже растёт, себя теплу вверяя,
Лист будущего пальмового рая.

11

В бассейне, где иссяк водопровод,
Куда носили воду литр за литром,
Меж розовых кувшинок вновь плывёт
Громадный лист, похожий на папирю.
Пиши, художник, кистью вдохновенной
Развёртыванье жизни сокровенной.

12

Уже монтажник занят важным делом —
Восстановленьем заводских турбин.

Уже на мраморном щите, на белом,
Горит контрольной лампочки рубин.
Вновь завоюет Ленинград по праву
Свою энергетическую славу.

13

Его великолепные моторы,
Турбины, двигатели, дизеля́
Опять начнут, о русская земля,
Питать энергией твои просторы.
И каждая машина, агрегат
Гордиться будут маркой «Ленинград».

14

Войдёмте в Летний сад. Он тих и пуст.
Где статуи? Их тоже нет на месте.
Осанка, мрамор плеч, улыбка уст —
Всё это скрыто — адрес неизвестен.
Всё это в подземелии, где мрак,
Но где зато по угрожает враг.

15

Подобно хору греческих трагедий,
Не умолкают пушек голоса.
Но статуи... при мысли о победе
У них, как у людей, блестят глаза.
Поистине эпоху Возрожденья
Напоминает это пробужденье.

16

И шепчет мраморная Терпсихора,
Склонив над лютней юную главу:
«Я знаю, я предчувствую, что скоро
На сцене вновь волшебю оживу,
Соединяя в образе едином
Огонь страстей с прохладой лебединой».

17

И с чертежом и циркулем в руках
Архитектура говорит: «Я жажду
Опять трудиться для своих сограждан
Хочу для них воссоздавать в веках

Не только крепости и бастионы,
А здравницы, дворцы и стадионы».

18

«Я корабли по компасу веду,
Я — Навигация, — раздался голос. —
Я с бурями, туманами боролась.
Мне в якорных цепях неволегу.
Но скоро я, поднявши якоря,
Пойду в послевоенные моря».

19

Уже опять, с Искусством заодно,
Науки начинают вторить музам.
Уже открылось новых десять вузов,
Уже в аудиториях полно.
И видит с удовольствием декан,
Что надо ставить стулья по бокам.

20

Уже ребята по дороге в школу
На Невке видят молодой ледок.
Уже готов уйти пловучий док,
Чтоб уступить дорогу ледаколу.
Картина поздней осени ясна,
А нам всё кажется, что нет — весна.

21

Все признаки. Всё на весну похоже.
И шорох льда, и аромат реки,
И маленькие эти огоньки
По тёмным улицам в руках прохожих —
Весь город ими трепетно унизан:
Канун победы. Светлый праздник близок.

22

Любой район, часть города любая,
Мосты, проспекты, парки, острова. —
Как благовест, везде звучат слова
По радио: «Противник отступает!»
И мы приказы слушаем Вождя,
От гордости и счастья трепеща...

23

Ещё артиллерийскими громами
Чревато небо Пулковских высот.
Ещё в зловещей этой панораме
Нет места для космических красот.
Ещё воронками глубоких ран
Дымится Пулковский меридиан.

24

Но час придёт. Не будет ни окопов,
Ни пушечных, ни пулемётных гнёзд.
Мы вновь нацелим жерла телескопов
По золотым ориентирам звёзд.
Опять прославим солнца торжество,
Лучистую энергию его.

25

Да здравствует великий русский город,
С энергией, повиданной дотоль!
Да здравствует энергия, в которой
Спрессованы десятки тысяч волей!
И навсегда, отныне и вовек,
Да здравствует советский человек!

Ленинград.

Октябрь 1941 — ноябрь 1943.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая. Мы — гуманисты	3
Глава вторая. Свет и тепло	8
Глава третья. Огонь	14
Глава четвёртая. Год	20
Глава пятая. Снова лето	25
Глава шестая. Восстановление	26

Отв. редактор — А. СУРКОВ.

А-13363

Подписано к печати 14/XII—46 г.

Зак. 2172

Тираж 100.000

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 40 коп.